

ДРАМАТУРГИЧНОСТЬ ОБИХОДНОГО ДИСКУРСА В СВЕТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Идея о театральности социального устройства и человеческого поведения, в то числе речевого, не нова. По мнению В. И. Карасика, «драматургическое осуществление общения представляет собой одну из ипостасей любого социального действия» [3, с. 143]. Феномен самопрезентации как проявление драматургичности, т. е. режиссированного продуманного речевого поведения, становится предметом детального изучения в презентационной теории дискурса А. В. Олянича. Исследователь отмечает, что в языке существуют инструменты для фиксации такой самопрезентации: «подать себя в выгодном свете», «выделиться», «выпендриваться», «нарисоваться» и мн. др. [8, с. 197–198]. В своем исследовании такого параметра конструирования дискурса как драматургичность мы опираемся и на концепцию социальной драматургии Э. Гофмана. Взаимодействие людей в реальной социальной действительности уподобляется театральному разыгрыванию. Гофман вводит в анализ социального взаимодействия категорию социального лица, сохранение, выстраивание и эффективная работа которого являются необходимыми условиями для достижения целей коммуникации. Согласно концепции Гофмана, человек придерживается определенной линии поведения, исходя из имеющегося у него репертуара приемов сохранения лица [1, с. 18].

Мы рассматриваем драматургичность дискурса как параметр стратегического конструирования дискурса для решения потребностных задач. Наше исследование осуществляется в русле прагмалингвистических теорий в свете стратегического подхода с привлечением понятийного инструментария смежных лингвистических направлений: теории дискурса, жанроведения, теории текста, психолингвистики, когнитивной лингвистики. Таким образом, ключевыми категориями анализа выступают интенция, коммуникативная ситуация, языковая личность, стратегия, тактика, перлокуция, имплицатура. Методами анализа служат компонентный анализ, дискурс-анализ и лингво-прагматический анализ.

Рассматривая драматургичность дискурса в свете стратегического подхода, можно условно определить драматургичность как глобальную стратегию речевого поведения языковой личности. По мнению С. Н. Плотниковой, «стратегия предполагает сосредоточенность говорящего на выражении определенного иллокутивного смысла и интенциональность говорящего, поскольку он хочет выразить именно этот смысл» [9, с. 78–79].

Предметом анализа выступает репертуар стратегий драматургичности языковой личности при конструировании дискурса. Объектом рассмотрения служит обиходный дискурс. В определении типа дискурса опираемся на

классификацию, предложенную В. И. Карасиком. Среди сущностных характеристик обиходного дискурса выделяем экспрессивность, «стремление коммуникантов максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения» [2, с. 41]. Несомненно, эти черты определяют специфику стратегического взаимодействия в процессе конструирования драматургичности дискурса. Немаловажным фактором выступает и категория языковой личности. Драматургичность стратегического выстраивания дискурса, на наш взгляд, детерминируется типом языковой личности. К. Ф. Седов выделил на основе трех типов речевых стратегий в коммуникативном конфликте три типа языковых личностей: инвективный, куртуазный и рационально-эвристический [10, с. 91–92].

Существующая в виде фреймов в сознании носителей языка система жанрово-стилевых стереотипов и сценариев коммуникативного поведения находит проявление в ситуации общения. В качестве единицы анализа берем коммуникативную ситуацию. Наблюдаем пересечение аналитических моделей различных направлений лингвистического знания. Дискурсивный анализ коммуникативной ситуации, таким образом, неизменно включает компонентный и прагмалингвистический. Полагаем, что семантика используемых языковых средств как оформление иллокутивного значения последовательности речевых актов отражает концептуальное основание дискурсивной стратегии. Драматургичность дискурса может покоиться на различных концептуальных основаниях. Двуплановость как манера осуществления дискурса составляет сущностную характеристику драматургичности дискурса: драматургичность может быть концептуальным выходом неискренности, обмана, манипуляции, аттракции, фасцинации. Представить себя в выгодном свете, добиться определенной цели общения, сохранить лицо – таковы основные иллокутивные цели речевых актов в конструировании драматургичности обиходного дискурса. Интенциональное состояние субъекта дискурса, тип языковой личности во многом определяют речевое оформление стратегического решения.

В качестве языкового материала используем тексты художественной литературы, отражающие ситуации обыденного общения. Полагаем, что именно художественные тексты могут обеспечить доступ к анализу концептуального основания конструируемого дискурса, главным образом благодаря позиции наблюдателя-автора текста, экспликация когнитивного плана которого позволяет оценить ситуацию и проследить реализацию стратегии достижения перлокутивного эффекта. Метауровень – замечания наблюдателя, размышления участников ситуации – позволяет выявить интерпретативные механизмы, задействованные при реализации стратегий драматургичности, сценарные решения в виде тактических шагов и отбора языковых средств. Поиск текстов осуществлялся в Национальном корпусе

русского языка с помощью маркеров, в качестве которых выступали, во-первых, номинации действий, способа совершения действия, качества действия с оценочной семантикой характеристики поведения. Такими маркерами послужили следующие слова и выражения: *красоваться, строить из себя, притворно, наигранно, натянуто* и др. Во-вторых, учитывая отмеченную уже многоплановость художественного текста, номинация конкретного жанра или субжанра обиходного общения – комплимент, светская беседа, флирт, шутка, – может маркировать драматургичность оформления стратегического решения в жанровом преломлении.

Пример 1.

Вот мы сейчас домой поедem и по пути перекусим. А им-то здесь оставаться!

Дурак! Что с тебя взять? Как был балбесом, так и остался. И какого чёрта все наши запасы пораздавал? И что мы теперь есть будем?

– С голоду не помрём. Вот мы сейчас домой поедem и по пути перекусим. А им-то здесь оставаться! Из них энергия так и прёт. Пускай едят на здоровье.

– Тебе бы только покрасоваться перед публикой!

*По интонациям было понятно, что жена не слишком-то и сильно злится, а так только – ругает по привычке. Так у них, видно, **роли были распределены**: она суровая и серьёзная, а он легкомысленный мальчишка [6].*

В отрывке представлена ситуация бытового общения между супругами. Драматургичность построения ситуации опосредована ролевыми характеристиками участников коммуникации. Оба участника коммуникации придерживаются принятой линии поведения: роль «взрослого», «главного» принадлежит жене. Тактические решения, в качестве которых выступает выбор назидательной тональности и инвективная лексика для номинации супруга, вполне соотносятся с ролевыми предписаниями «суровой и серьёзной» жены, которая дисциплинированно реализует сценарные требования, установленные обществом относительно ее роли. В этой связи речевое поведение женщины привычно подчиняется иллюкуции дидактического внушения. Вторая линия драматургичности выводится из рефлексии жены относительно типичной манеры мужа представлять себя людям. Мы понимаем, что стратегия самопрезентации ее супруга, емко и лаконично выраженная в экспрессиве – «тебе бы только покрасоваться перед публикой!» имеет проекцию «показать себя в лучшем свете, возможно, и с негативными последствиями для него самого» – обладает фасцинативной природой. Очаровать, понравиться другим, эмоционально зарядить публику – такие цели преследует супруг. Стратегия сохранения лица партнера реализуется через критическую рефлексию над поведением второго участника и оформляется жанровыми рамками семейного разговора-выяснения отношений.

Пример 2.

Девки, а вы уверены, что они, ну, настоящие? – осторожно осведомилась Крах.

*– Они настоящие, Марина, – в этом я уверена. По крайней мере, более настоящие, чем мы. И хватит, наконец, **строить из себя столичную дурачку!** [4].*

Наблюдаем интересный случай «вскрытия» неискреннего поведения партнера по коммуникации. Действительно, такие черты обиходного дискурса, как сокращенный код общения, преобладание эмоционального над рациональным могут быть причиной нарушений правил кооперативного общения. Конфликтогенное поведение участницы общения проявляется в повреждении социального лица партнера. Можно предположить, что стратегия самопрезентации Марины зиждется на конструировании образа столичной дамы, уровень воспитания и образ жизни которой ограждает ее от неприятных реалий. Однако стратегия, которая условно может быть названа как «имитация непонимания», не достигает задуманного перлокутивного эффекта, что и находит выражение в директиве партнера по коммуникации: «Хватит, наконец, строить из себя столичную дурачку!».

Стратегия «имитация непонимания» реализуется и в следующей ситуации.

Пример 3.

*В кухню вошла Снежана. Остановилась молча. – Он тебе не нравится? – тихо спросила Снежана. – При чем тут я, – **удивилась притворно** Ирина. – Тебе жить. – Вот именно, – твердо сказала Снежана. – Я тебя очень прошу, не вмешивайся [7].*

Первичный жанр семейного разговора, в данном случае на грани выяснения отношений, выстроен в сдержанной тональности. Участницы коммуникации принадлежат к рационально-эвристическому типу языковой личности, что определяет и особенности драматургичности стратегического выстраивания дискурса. По ремарке автора «удивилась притворно» реконструируем тактический ход общей стратегии «имитация непонимания». Пресуппозиции второго участника коммуникации позволяют правильно разгадать имплицативную нагрузку коммуникативного поведения Ирины.

Достоинством следующего примера служит экспликация субъектом дискурса своих попыток драматургичного выстраивания дискурса. Способность занять метапозицию и подвергнуть рефлексии жанровые формы собственного речевого поведения позволяет сделать вывод о том, что перед нами языковая личность с хорошо развитой дискурсивной компетенцией.

Пример 4.

Когда мы наконец добрались до аттракционов, то были взмокишие, уставшие и голодные. И я предложил сначала поесть.

Обед был слегка испорчен кислой Ольгиной физиономией. Как я ни старался вовлечь ее в беседу, шутил, говорил комплименты, настроение ее не улучшалось [5].

Чередa коммуникативных ходов в фатических жанровых формах беседы, шуток, комплиментов служит примером реализации аттрактивной стратегии драматургичности дискурса.

В жанровых границах драматургичность дискурса реализуется в самом исполнении роли. Анализ конструирования дискурса с позиции драматургичности стратегической реализации может осуществляться и в траектории изучения когнитивного плана участников интеракций, зафиксированного в метаремарках и размышлениях. Реализация наиболее частотных стратегий драматургичности дискурса – самопрезентации, имитации непонимания, стратегии аттракции – в условиях обиходного общения с высокой вероятностью может привести к созданию конфликтной ситуации, повреждению социального лица, субъект дискурса рискует быть уличенным в неискреннем поведении в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман, Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман ; пер. с англ., под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2009. – 309 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. Карасик, В. И. Языковая пластика общения / В. И. Карасик. – Гнозис, 2021. – 536 с.
4. Национальный корпус русского языка / Зеленина, Г. Курина слепота и ее обитательницы. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.07.2024).
5. Национальный корпус русского языка / Клепаков, А. Опекун – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.07.2024).
6. Национальный корпус русского языка / Мацанов, А. Бабник. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.07.2024).
7. Национальный корпус русского языка / Токарева, В. Своя правда. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
8. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
9. Плотникова, С. Н. Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий / С. Н. Плотникова // Вестн. МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2018. – № 3(31). – С. 78–86.
10. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 317 с.